

А. М. Грачева

**Собинные друзья протопопа Аввакума
(А. М. Ремизов — П. Паскаль — В. И. Малышев —
А. М. Панченко)**

Протопоп Аввакум — один из лидеров раскола XVII в. — оказал глубокое влияние не только на историю православной церкви, но и на русскую культуру. Если его воздействие на литературу XIX в. в значительной степени раскрыто, то еще многое предстоит исследовать в области аккумуляции его религиозно-общественных и эстетических взглядов культурой XX в. При этом надо отметить то особое значение, которое Аввакум как религиозный вождь, руководитель оппозиции официальной светской и духовной власти, а также как эстетический новатор имел в период истории, когда русская культура оказалась расколотой на культуру СССР и культуру России в изгнании. Это значительная, почти не изученная культурологическая и литературоведческая проблема. Тема настоящей статьи — исследование той роли, которую наследие протопопа Аввакума сыграло в истории взаимодействия культур метрополии и диаспоры. Заявленная тема будет раскрыта на примере роли Аввакума в судьбе и истории возвращения на Родину эмигрантского творчества Алексея Михайловича Ремизова, истории, в которой значительную роль сыграл академик Александр Михайлович Панченко.

Имя Аввакума стало известно Ремизову с начала 1910-х гг., когда писатель вместе с женой, С. П. Ремизовой-Довгелло, учившейся в Петербургском Археографическом институте, изучал древнерусскую литературу. В 1910-х гг. в его произведениях упоминание огнепального протопопа связано с историософским осмыслением современности, Аввакум значим как *историческая личность* — великий бунтарь, противник правящей духовной и светской власти. Для Ремизова начало Первой мировой войны знаменовало окончание большого исторического периода развития России, периода, во многом аналогичного концу XVII в. — кануна петровского революционного времени. В миниатюре 1914 г. «Столбец», впоследствии включенной в книгу «Россия в письменах», Ремизов дал четкое определение: «XVII-ый век — век смуты и лихолетья, век Аввакума, огненных дум „Последней

Руси“ и разбойной вольницы».¹ Ту же семантику — символа протеста против существующей власти — имеют имя и дело протопопа в начале в 1914 г. романе Ремизова «Плачущая канава», где история самосожжений предстает этапом борьбы за народную волю: «Русский народ оставил и дело — завет самосжигающейся „Последней Руси“, — огненный крест. <...> ...вольная страда, вольная огненная смерть, костер. <...> Таков третий завет — воля народная».²

Изменения в ремизовском восприятии личности и наследия Аввакума произошли в 1920-х гг. в эмиграции, когда писатель начал выстраивать «литературную родословную» своего стиля — то, что позднее, в 1940-х гг., он назвал «теорией русского лада». С этого времени началось его осмысление эстетического значения творчества *писателя* Аввакума. В середине 1920-х гг. штудии Ремизова в области истории литературного стиля органично вошли в круг историко-филологических интересов евразийцев. «Аввакум и русское евразийство» — это особая тема, которая в настоящем докладе будет затронута только по касательной.

В Париже Ремизов укрепил свои давние дружеские связи с одним из лидеров евразийства — музыковедом, философом, литературным критиком Петром Петровичем Сувчинским. Одним из итогов их контактов было активное участие писателя в создании журнала «Версты» (Париж, 1926–1928), выходившего под редакцией Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского, С. Я. Эфрона и «при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова».

Первый номер нового журнала открывала программная статья, в которой отмечалось: «В настоящее время — *русское* больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение *современности* <...>. Что же касается попытки найти естественное сочетание наиболее живых и нужных тяготений русской современности, то, объединяя в одном издании русскую поэзию, беллетристику, литературную критику, библиографию и литературные материалы со статьями, посвященными вопросам философии, искусства, языкознания, русского краеведения и востоковедения, мы — как нам кажется — устанавливаем один из возможных обобщающих подходов к нынешней России и к *русскому*».³

¹ Ремизов А. Россия в письменах. Берлин, 1922. Т. 1. С. 83.

² Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4: Плачущая канава. С. 309.

³ Версты. 1926. № 1. С. 5.

В журнале произведения писателей-эмигрантов (М. Цветаевой, А. Ремизова) были объединены с творениями литераторов, оставшихся на Родине (Б. Пастернака, С. Есенина, И. Сельвинского, И. Бабеля, А. Веселого). Также в номере были опубликованы записи народных частушек, статья Е. Н. Трубецкого о «Хождении за три моря» Аф. Никитина, две философские статьи Г. П. Федотова, статья Д. П. Святополк-Мирского «Поэты и Россия». Завершал журнал раздел «Материалы». Он представлял собой публикацию «Жития протопопа Аввакума» — текст, являющийся выполненным Ремизовым сводом трех редакций.⁴ Как показал целостный анализ первого номера «Верст», вся его композиция была четко выстроена и жестко ориентирована на финал — публикацию «Жития» Аввакума.

Комплекс произведений, написанных для этого номера Ремизовым, также последовательно подготавливал читателя к концовке журнала — изданию текста памятника XVII в. Публикацию ремизовских рассказов из книги «Николай Чудотворец» предваряло авторское вступление, в котором была актуализирована преемственность национальной истории, закрепленной в языковом строе народной речи: «„Русь“ Слова о полку Игореве — от русской земли, но какая преисподняя и никаких корешков с ивановской „Русией“ — с русским Домостроем и Стоглавом — с Русией, завершившейся „Росией“ (с одним „с“) — — Лесков, Розанов, а там, поперла вся зазеленелая „Рос-с-сия“. „Русь“ — археология (Китеж?), „Росия“ — современно. „Росию“ *высказал* Аввакум, грамоты и писцовые выписи: Аввакум — приговора на „о“ (нижегородец да и протопоп!) с московским защелком (аллитерацией) медведчика-гудца (родной брат Даниила Заточника); грамоты — выпевая знаменным догматиком с криком по „Уложению“; выписи — деловым кудрявым „столбцом“».⁵

В следующем тексте Ремизова — статье «Воистину», посвященной памяти В. В. Розанова, детально и последовательно развивалась тема преемственности линии литературного развития, начатой Аввакумом и в XX в. ярко продолженной Розановым. Для Ремизова огнепальный протопоп являлся основателем художественной прозы новой русской литературы, основанной на разговорном русском языке: «Жил в России протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Петров, 1621–1681), жил

⁴ О характере ремизовской редакции «Жития» см.: *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // *Евангельский текст в русской литературе XVII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 436–447.*

⁵ Версты. 1926. № 1. С. 52.

он при царе Алексее Михайловиче (...) и итог своих дел — это „Житие им самим написанное“: ума проникновенного, воли огненной (конец его — сожгли в срубе!), прошел весь подвиг веры и, стражда, на цепи и в земляной тюрьме долгие годы сидя, не ожесточился на своих гонителей. „Не им было, а бысть около своего носа“... да с другого и требовать нельзя: жизнь жестокая, осатанеешь! А как написано! Я и помянул-то протопопа „вся России“ к слову о его „слове“. Ведь его „вяканье“ — „русский природный язык“ — и ваш „розановский стиль“ одного кореня. Во дни протопопа этот простой „русский природный язык“ (со своими оборотами, со своим синтаксисом „сказа“) в противоположность всякой книжно-письменной речи „книжников и фарисеев“ в насмешку, конечно, и презрительно называли „вяканьем“ (так про собак: лает, вякает), как ваше „розановское“ зовется и поныне в академических кругах „юродством“. (...) В русской литературе книжное церковно-славянское перехлестнулось книжным же европейским и выпихнулось литературной „классической“ речью: Карамзин, Пушкинская проза и т. д., и т. д. (ведь и думали-то они по-французски!) (...) Их синтаксис — „письменный“, „грамматический“, а Ваш и Аввакума — „живой“, „изустный“, „мимический“. Теперь начали это изучать, докапываться в России — там книжники и вся казна наша книжная! Но и среди русских, живущих за границей, есть та же дума. Сидит тут, в Париже, Федотов (...) опять же Сувчинский, глава евразийцев, Петр Петрович, а в этой самой Англии кн. Д. Святополк-Мирский».⁶

Как видно из статьи «Воистину», к 1926 г. в основных чертах уже сформировалась ремизовская «теория русского лада» — то есть основанная на анализе языковой базы концепция развития русской литературы от Древней Руси до Нового времени. Писатель выделил последовательно проходящую через века традицию следования законам устной «народной речи» — традицию «вяканья», которой была противопоставлена литература, строящаяся на языковом фундаменте, на всех уровнях деформированном иностранными заимствованиями.

В целом все произведения современной литературы, опубликованные в первом номере «Верст», как бы представляли собой иллюстрацию развития «русского лада», аввакумовского «вяканья», продолжающуюся по обе стороны границы, искусственно разделившей русскую культуру.

⁶ Там же. С. 83–84.

Заключающая журнал «редакция» «Жития» базировалась на издании текста произведения в первой книге «Памятников истории старообрядчества XVII в.».⁷ Основа ремизовского текста — первая редакция «Жития», дополненная вставками из других редакций. Принцип ремизовской «обработки» древнего памятника — выявление его литературной природы как манифеста «русского лада». В связи с этим в преамбулу к тексту взята похвала русскому языку из третьей редакции. В целом текст «Жития» оказался сокращенным, что, возможно, было вызвано ограниченностью журнального объема. Из второй и третьей редакции в текст добавлены пассажи, демонстрирующие возможности изложения аввакумовским «вяканьем» как «низких», так и «высоких» тем: и бытовых сюжетов, и теологических проблем. Журнал «Версты» вскоре прекратил свое существование, но в своем творчестве Ремизов продолжал постоянно поминать протопопа как одного из вечно живых «спутников» современной литературы.

Следующий важный эпизод в истории «взаимоотношений» Ремизова и Аввакума был связан с знакомством писателя-эмигранта с ученым-медиевистом, знатоком творчества Аввакума Пьером Паскалем, в 1933 г. вернувшимся во Францию из СССР. В 1939 г. в парижском журнале «Русские записки» был опубликован текст «По следам протопопа Аввакума в СССР»,⁸ подписанный именем французского ученого. Его сопровождал постскрипtum А. Ремизова, который писал: «Статья П. Паскаля <...> написана по образцу и слогом журнальных статей — без краски и «живописания» <...>. Взяв для просмотра рукопись и сковырнув два-три выражения на русский лад, затеял я переписать. А как стал переписывать — инок ли Троице-Сергиевой лавры Епифаний Премудрый <...> первый русский писатель *книжной речи* <...> толкал меня под руку, или сам протопоп, первый русский писатель *живой речи*, Аввакум подзуживал? — переписываю и вижу: пишу по-своему, а отстать не могу. А как еще раз набело взялся (люблю переписывать!), тут уж сами собой и вавилоны и заковыки <...> и прет, и гонит. И получилось <...> Мысли и факты я сохранил неприкосновенно <...> и все житейское из той „советской действительности“ <...>

⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Изд. Имп. Археогр. комиссии. Пг., 1916. 254 с. (Отт. из 1-й книги «Памятников истории старообрядчества XVII в.»).

⁸ Паскаль П. По следам протопопа Аввакума в СССР // Русские записки. 1939. Кн. XVIII (Июнь). С. 122–140. Далее это издание цитируется с указанием в тексте страницы в скобках.

ничего не присочинил. Конечно, без „беллетристики“ не обошлось, ⟨...⟩ и за нее в ответе я» (с. 140).

Анализ «сковырнутого на русский лад» текста показал, что и здесь мы имеем дело с излюбленным Ремизовым методом писания своего произведения по чужому «материалу», каким в данном случае были воспоминания Паскаля о занятиях творчеством Аввакума в СССР. Под пером Ремизова сухая фактография источника, в котором изложение поисков старообрядческих книг, странствований по местам жизни протоппа сочеталось с тривиальной критикой советской действительности, превратилась в сложно организованное полифоническое повествование. В нем основной голос героя-рассказчика — оказавшегося в Москве молодого французского ученого — соединился с лирическим голосом автора-повествователя (отдельными чертами биографии сходного с коренным москвичом Ремизовым). Последний косвенно назван в тексте, где упомянут «один забеглый русский, именующий себя „учителем музыки“» (с. 138). Вспомним название большого автобиографического произведения, над которым в это время работал Ремизов, — «Учитель музыки». Наконец, в произведении звучит и речь «очевидцев» — современников Аввакума. В текст включено неизданное донесение воеводы Афанасия Пашкова и челобитная Даурских казаков, «рассказывающих», «как и почему 15 сентября 1656 протопп Аввакум бит кнутом на козле» (с. 130).

Каждый из голосов звучащего «хора» наделен своими языковыми особенностями. Речь героя-рассказчика — неформальная болтовня, колоритный интеллигентский сленг: «Доступ в ⟨...⟩ Древлехранилище — легче борову свиному проткнуться в игольное ушко. Приезжему знатному иностранцу — хоть никакой науки и в хвост не нюхал, без никаких, пожалуйста; но своему, советскому, а я советский служащий, как перед стеной напрыгаешься, а сквозь — все равно не пройдешь. Я использовал все свои коммунистические связи; рекомендательными письмами обклеился, как горчичниками. И в таком «горячечном» виде отправился в ⟨...⟩ Главное Архивное Управление» (с. 128).

Голосу автора-повествователя присущ высокий стиль, близкий к словам-плачам древних книжников: «У Спаса ученицы советской трудовой школы хоронили свою подругу. ⟨...⟩ И я спрашиваю себя: почему, в самом деле, советской власти, была б она не горе-марксистской, а народной советской властью, отрешиваться от этого Спаса? В этих народных старинных церквах служил по старым книгам Аввакум, и те, кто верил с ним и исповедовал старую русскую веру, и

стрельцы справляли тут свои победы. На моих глазах одна за другой эти „народные“ церкви осквернялись — или закроют, или снесут. Но душу разве можно „погасить“?» (с. 136).

Эпизоды встреч Паскаля с советскими учеными, продавцами книг, крестьянами по сюжетному типу напоминают собой замкнутые прозаические миниатюры — анекдоты. Таков, например, разговор Паскаля с одним из коллег по Институту Маркса и Энгельса: «„Какой чудесный антирелигиозный фильм можно сделать из жизни Аввакума. Хочу непременно за это взяться!“ — выпалил Владимир Капитоныч. И как отбрил» (с. 124).

В произведении сиюминутная советская современность противопоставлена современности истинной, состоящей и из событий вековой истории России, и из событий народной жизни в СССР. Согласно концепции Ремизова, характер и корни начала русской жизни остаются неизменными, несмотря на попытки их искажения государством, в том числе и государством диктатуры пролетариата. После посещения архива герой-рассказчик замечает: «Очуться за „воротами рая“ — Московского Древлехранилища, я, часами погруженный в века, не мог поверить своим „отведенным“ глазам, что на московских улицах ходят не стрельцы, „холопы великого государя“, а милиционеры, советские служащие, рабочие, бывшие люди, лишенцы и господа — ведь рожи, рыла и лица все те же, на одну мазь, русские» (с. 130).

«По следам протопопа Аввакума в СССР» представляет собой тот редкий текст, где Ремизов, скрываясь под маской «иностранца» Паскаля, изображает жизнь на покинутой Родине и открыто высказывает свое отношение к происходящему. Следуя по следам протопопа, герой странствует по Москве начала 1930-х гг., из научных институтов попадая в библиотеки, из библиотек в книжные лавки, к московским старообрядцам, в провинцию, наконец, в нижегородскую деревню в разгар «коллективизации».

Внешнее географическое движение сюжета осмысляется как движение мыслимое: от центра идей, максимально оторванных от народа, — Института Маркса и Энгельса — к сосредоточению народной жизни — деревне. Сюжет заканчивается посещением героем места, где Аввакум начал проповедовать, — села Лопатина, в котором советские власти закрыли церковь и «попа нету» (с. 139). «Я ходил по селу, глаза, — сообщает рассказчик. — И вдруг — из самой беднящей избы показалось: какой-то в выцветшей грязной рясе, худой и высокий, и оттого, что так худ, еще выше казался, а от взъерошенности — страшнее; он посмотрел такими „жалостными“ глазами — и как

смотрел он, — от переполненности пропадом и страхом эта жалостность скручивалась безумным огоньком. И я тогда убежал (...) нахмурившись» (с. 139–140). Завершающее повествование видение священника — это концептуально важный символический образ. По Ремизову, никакие «мудрования» над народом не могут прервать духовную жизнь нации.

Таким образом, в произведении сложной повествовательной формы «По следам протопопа Аввакума в СССР» Ремизов соединил идущий от Аввакума «русский лад», «вяканье» с изображением остросовременных проблем жизни новой России. В результате полифоническое сказовое повествование оказалось продуктивным для художественного изображения не виденной, но услышанной писателем советской действительности. Ни в одном из других произведений Ремизова так явно не было заявлено его отношение к происходящему на родине и так четко не обозначались мыслимые перспективы ее дальнейшего духовного развития. И в этом произведении Ремизов продолжил осуществление эстетической программы, обозначенной еще в журнале «Версты»: адекватное отображение русской жизни достижимо в художественном поле литературы, следующей законам живого разговорного языка — «русского лада».

То, что художественно-публицистическое произведение «По следам протопопа Аввакума в СССР» является по сути творением Ремизова, было сразу же отмечено критикой. В своей рецензии противник ремизовской теории «русского лада» М. А. Осоргин писал: «Из статьи П. Паскаля, написанной „по образцу и слогу журнальных статей“, получилась статья А. Ремизова, как бы его рассказ со слов французского ученого, однако этим ученым подписанный. Раз автор согласился на такой пересказ, — о чем говорить! Рассказ очень, очень интересен. И он может войти в собрание сочинений Ремизова, — но никогда — в собрание сочинений исследователя жизни Аввакума (курсив мой. — А. Г.). (...) Впечатление некоего обмана: вместо обстоятельной передовой статьи — лирическое стихотворение».⁹

В дальнейшем имя протопопа Аввакума возникало во многих художественных произведениях Ремизова 1930–1950-х гг. Особое место среди них принадлежит книге «Пляшущий демон» (Париж, 1947), в одной из глав которой писатель показал казнь Аввакума.

⁹ Осоргин М. Литературные размышления. 80. О переводах / Последние новости (Париж). 1939. № 6664. 26 июня. С. 2.

Новый неожиданный поворот в судьбе Ремизова произошел в 1957 г., когда сотрудник Пушкинского Дома, специалист по творчеству Аввакума В. И. Малышев прислал ему в Париж приглашения на торжественные заседания в Москве (24 апреля) и Ленинграде (26 апреля), которые были посвящены 275-летию со дня смерти Аввакума. Завязалась дружеская переписка, результатом которой стал обмен научными статьями и книгами. У Ремизова возникла реальная возможность осуществить свою давнюю мечту — передать весь свой архив в Ленинград, в Пушкинский Дом. Одним из первых изданий, присланных Ремизовым Малышеву, был оттиск его редакции «Жития» из журнала «Версты».¹⁰ В недалекой исторической перспективе уже трудно понять, какого гражданского мужества стоило Малышеву переписываться с писателем-эмигрантом. Тот же присланный Ремизовым в Ленинград оттиск текста *Псевдопастыря* («По следам протопопа Аввакума в СССР») мог быть сочтен, и не беспочвенно, антисоветской литературой.

И здесь надо назвать имя тогдашнего аспиранта Пушкинского Дома Александра Михайловича Панченко. Не меньшего гражданского мужества стоило последнему упомянуть о знатке творчества Аввакума — парижском русском писателе А. М. Ремизове — в заметке «Аввакум Петров. (Наш земляк — выдающийся русский писатель XVII века)», опубликованной в провинциальной советской газете.¹¹ Заметка была послана в Париж, и в ответном послании, написанном по просьбе слепого Ремизова, Н. В. Резникова сообщала Малышеву 28 сентября 1957 г.: «А. М. очень, очень обрадовался статье в колхозной газете с земли Аввакума. Он просит передать привет аспиранту Панченко — спрашивает, как его имя-отчество и кто его отец».¹² На адрес Пушкинского Дома Ремизов прислал все свои последние книги. Развертывающееся дружеское общение, незримым участником которого был протопоп Аввакум, прервала смерть писателя в ноябре 1957 г. Аввакум продолжал быть предметом разговора в дальнейшей переписке наследницы архива писателя Резниковой с В. И. Малышевым. Так, в письме от 12 февраля 1958 г. она сообщала: «Недавно была радиопередача, посвященная Ремизову, — была прочитана „Огненная смерть Аввакума“ и сказано несколько слов о протопопе. <...> В письме

¹⁰ Ныне хранится в Древлехранилище Пушкинского Дома.

¹¹ Колхозная жизнь. (Большое Мурашкино (Горьковской обл.)), 1957. 11 сент. № 109. С. 2.

¹² ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1535. Л. 3–3 об.

к нему (другу Ремизова востоковеду В. П. Никитину. — А. Г.), кажется, Вы просили послать „Мелюзину“ и „Круг счастья“ в Прагу (Панченко) и в Ленинград (даме). (...) Прошу Вас, будьте добры: повторите мне адреса и что кому».¹³ К сожалению, история с передачей архива Ремизова в Ленинград в Пушкинский Дом завершилась неудачей по причинам, не зависящим от ученых и наследников Ремизова. Однако именно Пушкинский Дом стал тем научным учреждением, в стенах которого началось научное возвращение творчества А. М. Ремизова на родину, и здесь значительная роль вновь принадлежала Александру Михайловичу Панченко.

В «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год» (Л., 1979. С. 203–215) были опубликованы письма А. М. Ремизова к В. И. Малышеву, подготовленные и детально откомментированные А. М. Панченко и С. С. Гречишкиным. Это было делом не менее революционным, чем упоминание имени Ремизова в провинциальной советской газете. Фактически впервые голос эмигранта Ремизова полноценно зазвучал на родине в научном издании. В примечаниях к письмам были полномасштабно откомментированы как его штудии в области древнерусской литературы, так и реалии парижской литературной жизни писателя.

В итоге можно сделать вывод о том, что произведения ревнителя старой веры и литературного реформатора протопопа Аввакума оказали значительное влияние на формирование историко-литературных и лингвистических концепций писателя-экспериментатора Алексея Ремизова. Последний в своем творчестве, публицистических статьях и устных выступлениях всячески пропагандировал наследие Аввакума, неоднократно утверждая его актуальность для современной русской культуры. В свою очередь, через Аввакума российские ученые-медиевисты В. И. Малышев и А. М. Панченко восстановили контакт Ремизова-писателя с Родиной и помогли вернуть его творчество русскому читателю.

¹³ Там же. Ф. 256. Оп. 4. Ед. хр. 21. Л. 3.